

Н. ГОГОЛЬ

НАРОДНОЕ
ИЗДАНИЕ

НАСЛѢДНИКОВЪ
ШИНЕЛЬ
ВІЙ
КОРЯКА
ПРОЩА ГРАМОТА

СОРОЧИНСКАЯ ПУТЯКА
НОЧЬ ПЕРЕДЪ РОЖДЕ

НОСЬ

ТАРАСЪ БУЛЬБА

РЕВИЗОРЪ

ГРАШНАЯ МЕСТА

ВЕЧЕРЪ НА КАНУНЪ ИВАНА КУ

БРАТЬЕВЪ

САЛАЕВЫХЪ

В І Й.

МОСКВА.

Вий //Книжный магазинъ В. Думнова, Москва, 1887
FB2: "a53 ", 132305975913150000, version 1
UUID: {3EF97C9A-A7F9-4D11-8549-3A6AD1ACF4C8}
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Николай Васильевич Гоголь

Вий

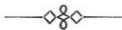
Николай Гоголь ВИЙ

Дозволено цензурою. Москва, 18-го ноября 1886 года.

Н. Гоголь.

В І Й.

НАРОДНОЕ ИЗДАНИЕ

КНИЖНАГО МАГАЗИНА

В. ДУМНОВА,

ПОДЪ ФИРМОЮ

НАСЛѢДНИКИ БРАТЬЕВЪ САЛАЕВЫХЪ.

МОСКВА.

Типографія Э. Лиснера и Ю. Романа
Арбатъ, домъ Платонова.

1887.

ВИЙ[1]

а к только ударял в Киев по утру довольно звонкий семинарский колокол, висевший у ворот Братского монастыря, то уже со всего города спешили толпами школьники и бурсаки. Грамматики, риторы, философы и богословы, с тетрадами под мышкой, брели в класс. Грамматики были еще очень малы; идя, толкали друг друга и бранились между собою самым тоненьким дискантом; они были все почти в изодранных или запачканных платьях, и карманы их вечно были наполнены всякою дрянью, как-то: бабками, свистелками, сделанными из перышек, недоеденным пирогом, а иногда даже и маленькими воробышками, из которых один, вдруг чиликнув среди необыкновенной тишины в классе, доставлял своему патрону порядочные пали[2] в обе руки, а иногда и вишневые розги. Риторы шли солиднее; платья у них были часто совершен-

но целы, но за то на лице всегда почти бывало какое-нибудь украшение, в виде риторического тропа: или один глаз уходил под самый лоб, или, вместо губы, целый пузырь, или какая-нибудь другая примета; эти говорили и божились между собою тенором. Философы целою октавою брали ниже; в карманах их, кроме крепких табачных корешков, ничего не было: запасов они не делали никаких, и все, что попадалось, съедали тогда же; от них слышалась трубка и горелка, иногда так далеко, что проходивший мимо ремесленник долго, остановившись, нюхал, как гончая собака, воздух.

Рынок в это время обыкновенно только что начинал шевелиться, и торговки, с бубликами, булками, арбузными семечками и маковниками, дергали наподхват за полы тех, у которых полы были из тонкого сукна или какой-нибудь бумажной материи.

— Паничи, паничи! сюды, сюды! — говорили они со всех сторон, — ось бублики, маковники, вертычки, буханци хороши! Ей Богу, хороши! На меду! Сама пекла!

Другая, подняв что-то длинное, скрученное

из теста, кричала: — Ось сосулька! Паничи, купите сосульку!

— Не покупайте у этой ничего: смотрите, какая она скверная: и нос нехороший, и руки нечистые...

Но философов и богословов они боялись задевать, потому что философы и богословы всегда любили брать только на пробу, и при том целою горстью.

По приходе в семинарию, вся толпа размещалась по классам, находившимся в низеньких, довольно однако же просторных комнатах с небольшими окнами, с широкими дверьми и запачканными скамьями. Класс наполнялся вдруг разноголосными жужжаниями; аудиторы выслушивали своих учеников; звонкий дискант грамматика попадал как раз в звон стекла, вставленного в маленькие окна, и стекло отвечало почти тем же звуком; в углу гудел ритор, которого рот и толстые губы должны бы принадлежать по крайней мере философии. Он гудел басом, и только слышно было издали: бу, бу, бу, бу... Аудиторы, слушая урок, смотрели одним глазом под скамью, где из кармана подчиненного бурсака выглядывали

вала булка, или вареник, или семена из тыкв.

Когда вся эта ученая толпа успевала приходить несколько ранее, или когда знали, что профессора будут позже обыкновенного, тогда, со всеобщего согласия, замышляли бой, и в этом бою должны были участвовать все, даже и цензоры, обязанные смотреть за порядком и нравственностью всего учащегося сообщества. Два богослова обыкновенно решали, как происходить битве: каждый ли класс должен стоять за себя особенно, или все должны разделиться на две половины: на бурсу и семинарию. Во всяком случае грамматики начинали прежде всех, и как только вмешивались риторы, они уже бежали прочь и становились на возвышениях наблюдать битву. Потом вступала философия с черными, длинными усами, а наконец и богословия в ужасных шароварах и с претолстыми шеями. Обыкновенно оканчивалось тем, что богословие побивало всех, и философия, почесывая бока, была теснима в класс и помещалась отдыхать на скамьях. Профессор, входивший в класс и участвовавший когда-то сам в подобных боях, в одну минуту, по разгоревшимся

лицам своих слушателей, узнавал, что бой был недурен, и в то время, когда он сек розгами по пальцам риторику, в другом классе другой профессор отделявал деревянными лопатками по рукам философию. С богословами же было поступаемо совершенно другим образом: им, по выражению профессора богословия, отсыпалось по мерке крупного гороху, что состояло в коротеньких кожаных канчуках[3].

В торжественные дни и праздники семинаристы и бурсаки отправлялись по домам с вертепами. Иногда разыгрывали комедию, и в таком случае всегда отличался какой-нибудь богослов, ростом мало-чем пониже киевской колокольни, представлявший Иродиаду или Пентефрию, супругу египетского царедворца. В награду получали они кусок полотна, или мешок проса, или половину вареного гуся, и тому подобное. Весь этот ученый народ, как семинария, так и бурса, которые питали какую-то наследственную неприязнь между собою, был чрезвычайно беден на средства к прокормлению, и притом необыкновенно прожорлив, так что сосчитать,

сколько каждый из них уписывал за ужином галушек, было бы совершенно невозможное дело, и потому доброхотные пожертвования зажиточных владельцев не могли быть достаточны. Тогда сенат, состоявший из философов и богословов, отправлял грамматиков и риторов, под предводительством одного философа, а иногда присоединялся и сам, с мешками на плечах, опустошать чужие огороды — и в бурсе появлялась каша из тыкв. Сенаторы столько объедались арбузов и дынь, что на другой день аудиторы слышали от них, вместо одного, два урока: один происходил из уст, другой ворчал в сенаторском желудке. Бурса и семинария носили какие-то длинные подобию сертуков, простиравшихся по сие время: слово техническое, означавшее — далее пяток.

Самое торжественное для семинарии событие было — вакации: время с июня месяца, когда обыкновенно бурса распускалась по домам. Тогда всю большую дорогу усеивали грамматик, философы и богословы. Кто не имел своего приюта, тот отправлялся к кому-нибудь из товарищей. Философы и богословы отправлялись на кондиции, то-есть

брались учить или готовить детей людей зажиточных, и получали за то в год новые сапоги, а иногда и на сертук. Вся ватага эта тянулась вместе целым табором, варила себе кашу и ночевала в поле. Каждый тащил за собою мешок, в котором находилась одна рубашка и пара онуч. Богословы особенно были бережливы и аккуратны, для того, чтобы не износить сапогов, они скидали их, вешали на палки и несли на плечах, особенно когда была грязь. Тогда они, засучив шаровары по колена, бесстрашно разбрызгивали своими ногами лужи. Как только завидывали в стороне хутор, тотчас сворачивали с большой дороги и, приблизившись к хате, выстроенной поопрятнее других, становились перед окнами в ряд и во весь рот начинали петь кант. Хозяин хаты, какой-нибудь старый казак-поселянин, долго их слушал, подпершись обеими руками, потом рыдал прегорько и говорил, обращаясь к своей жене: «Жинко! То, что поют школяры, должно быть очень разумное; вынеси им сала и чего-нибудь такого, что у нас есть». И целая миска вареников валилась в мешок; порядочный кусок сала, несколько па-

ляниц[4], а иногда и связанная курица помещались вместе. Подкрепившись таким запасом, грамматики, риторы, философы и богословы опять продолжали путь. Чем далее однако же шли они, тем более уменьшалась толпа их. Все почти разбродились по домам и оставались те, которые имели родительские гнезда далее других.

Один раз, во время подобного странствования, три бурсака своротили с большой дороги в сторону, с тем, чтобы в первом попавшемся хуторе заpastись провиантом, потому что мешок у них давно уже был пуст. Это были: богослов Халява, философ Хома Брут и ритор Тиберий Горобець.

Богослов был рослый, плечистый мужчина и имел чрезвычайно странный нрав: все, что ни лежало, бывало, возле него, он непременно украдет. В другом случае характер его был чрезвычайно мрачен, и когда напивался он пьян, то прятался в бурьяне, и семинарии стоило большого труда сыскать его там.

Философ Хома Брут был нрава веселого, любил очень лежать и курить люльку[5]; если же пил, то непременно нанимал музыкан-

тов и отплясывал тропака. Он часто пробовал крупного гороху, но совершенно с Философическим равнодушием, говоря, что чему быть, того не миновать.

Ритор Тиберий Горобець еще не имел права носить усов, пить горелку и курить люльку. Он носил только оселедец[6], и потому характер его в то время еще мало развился; но судя по большим шишкам на лбу, с которыми он часто являлся в класс, можно было предположить, что из него будет хороший воин. Богослов Халява и философ Хома часто дирали его за чуб, в знак своего покровительства, и употребляли в качестве депутата.

Был уже вечер, когда они своротили с большой дороги; солнце только-что село, и дневная теплота оставалась еще в воздухе. Богослов и философ шли молча, куря люльки; ритор Тиберий Горобець сбивал палкою головки с будяков[7], росших по краям дороги. Дорога шла между разбросанными группами дубов и орешника, покрывавшими луг. Отлогости и небольшие горы, зеленые и круглые, как куполы, иногда перемежали равнину. Показавшаяся в двух местах нива с вызревав-

шим житом давала знать, что скоро должна появиться какая-нибудь деревня. Но уже более часа, как они минули хлебные полосы, а между тем им не попадалось никакого жилья. Сумерки уже совсем омрачили небо, и только на западе бледнел остаток алого сияния.

— Что за черт! — сказал философ Хома Брут, — сдавалось совершенно, как будто сейчас будет хутор!

Богослов помолчал, поглядел по окрестностям, потом опять взял в рот свою люльку, и все продолжали путь.

— Ей Богу! — сказал опять, остановившись, философ, — ни чертова кулака не видно!

— А может быть далее и попадетя какой-нибудь хутор, — сказал богослов, не выпуская люльки.

Но между тем уже была ночь, ночь довольно темная; небольшие тучи усилили мрачность и, судя по всем приметам, нельзя было ожидать ни звезд, ни месяца. Бурсаки заметили, что они сбились с пути и давно шли не по дороге.

Философ, пошаривши ногами во все сторо-

ны, сказал наконец отрывисто:

— А где же дорога?

Богослов помолчал и, надумавшись, при-
молвил:

— Да, ночь темная.

Ритор отошел в сторону и старался ползком нащупать дорогу, но руки его попадали только в лисьи норы. Везде была одна степь, по которой, казалось, никто не ездил.

Путешественники еще сделали усилие пройти несколько вперед, но везде была та же дичь. Философ попробовал перекликнуться, но голос его совершенно заглох по сторонам и не встретил никакого ответа. Несколько спустя только послышалось слабое стенание, похожее на волчий вой.

— Вишь! Что тут делать? — сказал философ.

— А что, оставаться и заночевать в поле! — сказал богослов и полез в карман достать огниво и закурить снова свою люльку. Но философ не мог согласиться на это: он всегда имел обыкновение упрятать на ночь полупудовую краюху хлеба и Фунта четыре сала, и чувствовал на этот раз в желудке своем какое то

несносное одиночество; притом, не смотря на веселый нрав свой, философ боялся несколько волков.

— Нет, Халява, не можно, — сказал он. — Как же, не подкрепив себя ничем, растянуться и лечь, как собака? Попробуем еще; может быть, набредем на какое-нибудь жильё, и хоть чарку горелки удастся выпить на ночь.

При слове горелка, богослов сплюнул на сторону и примолвил:

— Оно конечно, в поле оставаться нечего.

Бурсаки пошли вперед и, к величайшей радости их, в отдалении почудился лай. Прислушавшись, с которой стороны, они отправились бодрее и, немного пройдя, увидели огонек.

— Хутор! Ей Богу, хутор! — сказал философ.

Предположения его не обманули: через несколько времени они увидели точно небольшой хуторок, состоявший из двух только хат, находившихся в одном и том же дворе. В окнах светился огонь; десяток сливных деревьев торчал под тыном. Взглянувши в сквозные досчатые ворота, бурсаки увидели двор, установленный чумацкими возами. Звезды

кое-где глянули в это время на небе.

— Смотрите же, братцы, не отставать! Во что бы то ни было, а добыть ночлега.

Три ученые мужа дружно ударили в ворота и закричали:

— Отвори!

Дверь в одной хате заскрипела, и, минуто спустя, бурсаки увидели перед собою старуху в нагольном тулупе.

— Кто там? — закричала она, глухо кашля.

— Пусти, бабуся, переночевать; сбились с дороги; так в поле скверно, как в голодном брюхе.

— А что вы за народ?

— Да народ необидчивый: богослов Халява, философ Брут и ритор Горобець.

— Не можно, — проворчала старуха, — у меня народу полон двор, и все углы в хате заняты. Куда я вас дену? Да еще все какой рослый и здоровый народ! Да у меня и хата развалится, когда помещу таких. Я знаю этих философов и богословов: если таких пьяниц начнешь принимать, то и двора скоро не будет. Пошли, пошли! Тут вам нет места.

— Умилосердись, бабуся! Как же можно, чтобы христианские души пропали ни за что, ни про что? Где хочешь, помести нас; и если мы что-нибудь, как-нибудь того, или какое другое что сделаем, — то пусть нам к руки отсохнут, и такое будет, что Бог один знает — вот что!

Старуха, казалось, немного смягчилась.

— Хорошо, — сказала она, как бы размышляя, — и впусти вас, только положу всех в разных местах: а то у меня не будет спокойно на сердце, когда будете лежать вместе.

— На то твоя воля; не будем прекословить, — отвечали бурсаки.

Ворота заскрипели, и они вошли во двор.

— А что, бабуся, — сказал философ, идя за старухой, — если бы так, как говорят... ей Богу, в животе как будто кто колесами стал ездить! С самого утра вот хоть бы щепка была во рту.

— Вишь чего захотел! — сказала старуха, — нет, у меня нет ничего такого, и печь не топилась сегодня.

— А мы бы уже за все это, — продолжал философ, — расплатились бы завтра, как сле-

дует — чистоганом. «Да» — продолжал он тихо, — «черта с два получишь ты что-нибудь».

— Ступайте, ступайте! И будьте довольны тем, что дают вам. Вот черт принес каких нежных паничей!

Философ Хома пришел в совершенное уныние от таких слов; но вдруг нос его почувствовал запах сушеной рыбы; он глянул на шаровары богослова, шедшего с ним рядом, и увидел, что из кармана его торчал преогромный рыбий хвост: богослов уже успел подтибрить с воза целого карася, и так как он это производил не из какой-нибудь корысти, но единственно по привычке, и, позабывши совершенно о своем карасе, уже разглядывал, что бы такое стянуть другое, не имея намерения пропустить даже изломанного колеса, то философ Хома запустил руку в его карман, как в свой собственный, и вытащил карася.

Старуха разместила бурсаков: риторка положила в хате, богослова заперла в пустую камору, философу отвела тоже пустой овечий хлев.

Философ, оставшись один, в одну минуту сел карася, осмотрел плетеные стены хлева,

толкнул ногою в морду просунувшуюся из другого хлева любопытную свинью и повернулся на правый бок, чтобы заснуть мертвецки. Вдруг низенькая дверь отворилась, и старуха, нагнувшись, вошла в хлев.

— А что, бабуся? Чего тебе нужно? — сказал философ.

Но старуха шла прямо к нему с распростертыми руками.

— «Эге, ге!» — подумал философ, — «Только нет, голубушка, устарела!»

Он отодвинулся немного подальше, но старуха, без церемонии, опять подошла к нему.

— Слушай, бабуся! — сказал философ, — теперь пост; а я такой человек, что и за тысячу золотых не захочу оскоромиться...

Но старуха раздвигала руки и ловила его, не говоря ни слова.

Философу сделалось страшно, особенно, когда он заметил, что глаза ее сверкнули каким-то необыкновенным блеском.

— Бабуся! что ты? Ступай, ступай себе с Богом! — закричал он.

Но старуха не говорила ни слова и схватила его руками.

Он вскочил на ноги, с намерением бежать; но старуха стала в дверях, вперила в него сверкающие глаза и снова начала подходить к нему.

Философ хотел оттолкнуть ее руками, но, к удивлению, заметил, что руки его не могут приподняться, ноги не двигались, и он с ужасом увидел, что даже голос не звучал из уст его: слова без звука шевелились на губах. Он слышал только, как билось его сердце; он видел, как старуха подошла к нему, сложила ему руки, нагнула ему голову, вскочила с

быстротою кошки к нему на спину, ударила его метлою по боку, и он, подпрыгивая, как верховой конь, понес ее на плечах своих.

Все это случилось так быстро, что философ едва мог опомниться и схватил обеими рука-

ми себя за колена, желая удержать ноги; но они, к величайшему изумлению его, подымались против воли и производили скачки быстрее черкесского бегуна. Когда уже минули они хутор, и перед ними открылась ровная лощина, а в стороне потянулся черный, как уголь, лес, тогда только сказал он сам себе: «Эге, да это ведьма!» Обращенный месячный серп светлел на небе. Робкое полночное сияние, как сквозное покрывало, ложилось легко и дымилось по земле. Леса, луга, небо, долины — все, казалось, как будто спало с открытыми глазами; ветер хоть бы раз вспорхнул где-нибудь; в ночной свежести было что-то влажно-теплое; тени от деревьев и кустов, как кометы, острыми клинами падали на отлогую равнину: такая была ночь, когда философ Хома Брут скакал с непонятым всадником на спине. Он чувствовал какое-то томительное, непонятное и вместе сладкое чувство, подступавшее к его сердцу. Он опустил голову вниз и видел, что трава, бывшая почти под ногами его, казалось, росла глубоко и далеко, и что сверх ее находилась прозрачная, как горный ключ, вода, и трава казалась дном ка-

кого то светлого, прозрачного до самой глубины моря; по крайней мере он видел ясно, как он отражался в нем вместе с сидевшею на спине старухою. Он видел, как, вместо месяца, светило там какое-то солнце; он слышал, как голубые колокольчики, наклоня свои головки, звенели; он видел, как из-за осоки выплывала русалка, мелькала спина и нога — выпуклая, упругая, вся созданная из блеска и трепета. Она оборотилась к нему — и вот ее лицо, с глазами светлыми, сверкающими, острыми, с пением, вторгавшимся в душу, уже приближалось к нему, уже было на поверхности и, задрожав сверкающим смехом, удалялось; и вот она опрокинулась на спинку — и облачные перси ее, матовые, как фарфор, не покрытый глазурью, просвечивали перед солнцем по краям своей белой, эластически-нежной округности. Вода, в виде маленьких пузырьков, как бисер, осыпала их; она вся дрожит и смеется в воде...

Видит ли он это, или не видит? Наяву ли это, или снится? Но там что? Ветер или музыка? Звенит, звенит и вьется, и подступает, и вонзается в душу какую-то нестерпимую тре-

Лью...

«Что это?» — думал философ Хома Брут, глядя вниз, несясь во всю прыть. Пот катился с него градом. Он чувствовал бесовски-сладкое чувство, он чувствовал какое-то пронзающее, какое-то томительно-страшное наслаждение. Ему часто казалось, как будто сердца уже вовсе не было у него, и он со страхом хватался за него рукою. Изнеможенный, растерянный, он начал припоминать все, какие только знал, молитвы. Он перебирал все заклятия против духов, и вдруг почувствовал какое-то освежение; чувствовал, что шаг его начинал становиться ленивее; ведьма как-то слабее держалась на спине его; густая трава касалась его, и уже он не видел в ней ничего необыкновенного. Светлый серп светил на небе.

«Хорошо же!» — подумал про себя философ Хома, и начал почти вслух произносить заклятия. Наконец, с быстротою молнии, выпрыгнул из-под старухи и вскочил в свою очередь к ней на спину. Старуха мелким, дробным шагом побежала так быстро, что всадник едва мог переводить дух свой. Земля чуть

мелькала под ним; все было ясно при месячном, хотя и неполном свете; долины были гладки; но все от быстроты мелькало неясно и сбивчиво в его глазах. Он схватил лежавшее на дороге полено и начал им изо всех сил колотить старуху. Дикая вопли издавала она; сначала были они сердиты и угрожающи, потом становились слабее, приятнее, чище, и потом уже тихо, едва звенели, как тонкие серебряные колокольчики, и заронялись ему в душу; и невольно мелькнула в голове мысль: точно ли это старуха? «Ох, не могу больше!» — произнесла она в изнеможении и упала на землю.

Он стал на ноги и посмотрел ей в очи; рассвет загорался, и блестели золотые главы вдали киевских церквей.

Перед ним лежала красавица, с растрепанною роскошною косою, с длинными, как стрелы, ресницами. Бесчувственно отбросила она на обе стороны белые, нагие руки, и стонала, возведя кверху очи, полные слез.

Затрепетал, как древесный лист, Хома; жалость и какое-то странное волнение и робость, неведомые ему самому, овладели им.

Он пустился бежать во весь дух. Дорогой билось беспокойно его сердце, и никак не мог он истолковать себе, что за странное, новое чувство им овладело. Он уже не хотел более идти на хутора, и спешил в Киев, раздумывая всю дорогу о таком непонятном происшествии.

Бурсаков почти никого не было в городе; все разбрелись по хуторам, или на кондиции, или, просто, без всяких кондиций, потому что по хуторам малороссийским можно есть галушки, сыр, сметану и вареники величиною

в шляпу, не заплатив гроша денег. Большая, разъехавшаяся хата, в которой помещалась бурса, была решительно пуста, и сколько философ ни шарил во всех углах, и даже ощупал все дыры и западни в крыше, но нигде не отыскал ни куска сала, или, по крайней мере, старого книша[8], что, по обыкновению, запрятываемо было бурсаками.

Однако же философ скоро сыскался, как поправить свое горе: он прошел, посвистывая, раза три по рынку, перемигнулся на самом конце с какою-то молодою вдовою в желтом очипке, продававшею ленты, ружейную дробь и колеса, — и был в тот же день накормлен пшеничными варениками, курицею... и словом — перечесть нельзя, что у него было за столом, накрытым в маленьком, глиняном домике, среди вишневого садика. В тот же самый вечер видели философа в корчме. Он лежал на лавке, покуривая, по обыкновению своему, люльку, и при всех бросил жиду-корчмарю ползолотой. Перед ним стояла кружка; он глядел на приходивших и уходивших хладнокровно-довольными глазами и во все уже не думал о своем необыкновенном

происшествии.

Между тем распространились везде слухи, что дочь одного из богатейших сотников, которого хутор находился в пятидесяти верстах от Киева, возвратилась в один день с прогулки, вся избитая, едва имевшая силы добрести до отцовского дома, находится при смерти и перед смертным часом изъявила желание, чтобы отходную по ней и молитвы, в продолжение трех дней после смерти, читал один из киевских семинаристов, Хома Брут. Об этом философ узнал от самого ректора, который нарочно призывал его в свою комнату и объявил, чтобы он без всякого отлагательства спешил в дорогу, что именитый сотник прислал за ним нарочно людей и возок.

Философ вздрогнул по какому-то безотчетному чувству, которого он сам не мог растолковать себе. Темное предчувствие говорило ему, что ждет его что-то недоброе. Сам не зная почему, объявил он напрямик, что не поедет.

— Послушай, domine Хома! — сказал ректор (он в некоторых случаях объяснялся очень вежливо с своими подчиненными), —

тебя никакой черт и не спрашивает о том, хочешь ли ты ехать, или не хочешь. Я тебе скажу только то, что если ты еще будешь показывать свою рысь, да мудрствовать, то прикажу тебя по спине и по прочему так отстегать молодым березняком, что и в баню не нужно будет ходить.

Философ, почесывая слегка за ухом, вышел, не говоря ни слова, располагая при первом удобном случае возложить надежду на свои ноги. В раздумья сходил он с крутой лестницы, приводившей на двор, обсаженный тополями, и на минуту остановился, услышавши довольно явственно голос ректора, дававшего приказания своему ключнику и еще кому-то, вероятно, одному из посланных за ним от сотника.

— Благодарю пана за крупу и яйца, — говорил ректор, — и скажи, что как только будут готовы те книги, о которых он пишет, то я тотчас пришлю: я отдал их уже переписывать писцу. Да не забудь, мой голубе, прибавить пану, что на хуторе у них, я знаю, водится хорошая рыба, и особенно осетрина, то при случае прислал бы: здесь на базарах и нехороша

и дорога. А ты, Явтух, дай молодцам по чарке горелки; да философа привязать, а не то — как раз удерет.

«Вишь, чертов сын!» — подумал про себя философ, — «пронюхал, длинноногий вьюн!»

Он сошел вниз и увидел кибитку, которую принял было сначала за хлебный овин на колесах. В самом деле, она была так же глубока, как печь, в которой обжигают кирпичи. Это был обыкновенный краковский экипаж, в каком жида полсотнею отправляются вместе с товарами во все города, где только слышит их нос ярмарку. Его ожидало человек шесть здоровых и крепких казаков, уже несколько пожилых. Свитки из тонкого сукна, с кистями, показывали, что они принадлежали довольно значительному и богатому владельцу; небольшие рубцы говорили, что они бывали когда-то на войне не без славы.

«Что ж делать? Чему быть, тому не миновать!» — подумал про себя философ и, обратившись к казакам, произнес громко:

— Здравствуйте, братья-товарищи!

— Будь здоров, пан философ! — отвечали некоторые из казаков.

— Так вот это мне приходится сидеть вместе с вами? А брика знатная! — продолжал он, влезая. — Тут бы только нанять музыкантов, то и танцевать можно.

— Да, соразмерный экипаж, — сказал один из казаков, сядясь на облучок сам-друг с кучером, завязавшим голову тряпицею, вместо шапки, которую он успел оставить в шинке. Другие пять вместе с философом полезли в углубление и расположились на мешках, наполненных разною закупкою, сделанною в городе.

— Любопытно бы знать, — сказал философ, — если бы, примером, эту брику нагрузить каким-нибудь товаром, положим солью или железными клинами, сколько потребовалось бы тогда коней?

— Да, — сказал, помолчав, сидевший на облучке казак, — достаточное бы число потребовалось коней.

После такого удовлетворительного ответа, казак почитал себя в праве молчать во всю дорогу.

Философу чрезвычайно хотелось узнать обстоятельнее, кто таков был этот сотник, ка-

ков его нрав, что слышно о его дочке, которая таким необыкновенным образом возвратилась домой и находилась при смерти и которой история связалась теперь с его собственною, как у них и что делается в доме. Он обращался к ним с вопросами; но казаки, верно, были тоже философы, потому что в ответ на это молчали и курили люльки, лежа на мешках.

Один только из них обратился к сидевшему на козлах вознице с коротеньким приказанием:

— Смотри, Оверко, ты, старый разиня, как будешь подъезжать к шинку, что на Чухрайловской дороге, то не забудь остановиться и разбудить меня и других молодцов, если кому случится заснуть.

После этого он заснул довольно громко. Впрочем, эти наставления были совершенно напрасны, потому что, едва только приблизилась исполинская брика к шинку на Чухрайловской дороге, как все в один голос закричали: «стой!» Притом лошади Оверка были так уже приучены, что останавливались сами перед каждым шинком.

Несмотря на жаркий июльский день все вышли из брики, отправились в низенькую, запачканную комнату, где жид-корчмарь, с знаками радости, бросился принимать своих старых знакомых. Жид принес под полою несколько колбас из свинины и, положивши на стол, тотчас отворотился от этого запрещенного Талмудом плода. Все уселись вокруг стола; глиняные кружки показались перед каждым из гостей. Философ Хома должен был участвовать в общей пирушке. И так как малороссияне, когда подгуляют, непременно начнут целоваться или плакать, то скоро вся изба наполнилась лобызаниями. «А ну, Спирид, почеломкаемся!» — «Иди сюда, Дорош, я обниму тебя!»

Один казак, бывший постарее всех других, с седыми усами, подставивши руку под щеку, начал рыдать от души о том, что у него нет ни отца, ни матери, что он остался одним один на свете. Другой был большой резонер и беспрестанно утешал его, говоря: «Не плачь, ей Богу, не плачь! Что ж тут... уж Бог знает, как и что такое». Один, по имени Дорош, сделался чрезвычайно любопытен и, оборотив-

шись к философу Хоме, беспрестанно спрашивал его:

— Я хотел бы знать, чему у вас в бурсе учат: тому ли самому, что и дьяк читает в церкви, или чему другому?

— Не спрашивай! — говорил протяжно резонер, — пусть его там будет, как было. Бог уже знает, как нужно; Бог все знает.

— Нет, я хочу знать, — говорил Дорош, — что там написано в тех книжках; может быть, совсем другое, чем у дьяка.

— О Боже мой, Боже мой! — говорил этот почтенный наставник, — и на что такое говорить? Так уже воля Божия положила: уже что Бог дал, того не можно переменить.

— Я хочу знать все, что ни написано; я пойду в бурсу, ей Богу, пойду. Что ты думаешь, я не выучусь? Всему выучусь, всему!

— О Боже ж мой, Боже мой!.. — говорил утешитель и спустил свою голову на стол, потому что совершенно был не в силах держать ее долее на плечах. Прочие казаки толковали о панах и о том, отчего на небе светит месяц.

Философ Хома, увидя такое расположение голов, решился воспользоваться и улизнуть.

Он сначала обратился к седовласому казаку, грустившему об отце и матери:

— Что ж ты, дядько, расплакался? — сказал он, — я сам сирота! Отпустите меня, ребята, на волю! на что я вам?

— Пустим его на волю? — отозвались некоторые, ведь он сирота; пусть себе идет, куда хочет.

— О Боже-ж мой! Боже мой! — произнес утешитель, подняв свою голову, — отпустите его! Пусть идет себе!

И казаки уже хотели сами вывести его в чистое поле; но тот, который показал свое любопытство, остановил их, сказавши:

— Не трогайте: я хочу с ним поговорить о бурсе; я сам пойду в бурсу...

Впрочем, вряд ли бы этот побег мог совершиться, потому что когда философ вздумал подняться из-за стола, то ноги его сделались как-будто деревянными, и дверей в комнате начало представляться ему такое множество, что вряд ли бы он отыскал настоящую.

Только ввечеру вся эта компания вспомнила, что нужно отправиться далее в дорогу. Взмоштившись в брику, они потянулись, пого-

няя лошадей и напевая песню, которой слова и смысл вряд ли бы кто разобрал. Проколевшивши большую половину ночи, беспрестанно сбиваясь с дороги, выученной наизусть, они наконец спустились с крутой горы в долину, и философ заметил по сторонам тянувшийся частокол, или плетень, с низенькими деревьями и выказывавшимися из-за них крышами. Это было большое селение, принадлежавшее сотнику. Уже было далеко за полночь; небеса были темны, и маленькие звездочки мелькали кое-где; ни в одной хате не видно было огня. Они въехали, в сопровождении собачьего лая, во двор. С обеих сторон были заметны крытые соломой сараи и домики; один из них, находившийся как раз посередине против ворот, был более других и служил, как казалось, пребыванием сотника. Брига остановилась перед небольшим подобием сарая, и путешественники наши отправились спать. Философ хотел однако же несколько осмотреть снаружи панские хоромы; но, как он ни пялил свои глаза, ни что не могло означиться в ясном виде: вместо дома представлялся ему медведь; из трубы делал-

ся ректор. Философ махнул рукою и пошел спать.

Когда проснулся философ, то весь дом был в движении: в ночь умерла панночка. Слуги бегали впопыхах взад и вперед; старухи некоторые плакали; толпа любопытных глядела сквозь забор на панский двор, как будто бы могла что-нибудь увидеть. Философ начал на досуге осматривать те места, которые он не мог разглядеть ночью. Панский дом был низенькое, небольшое строение, какие обыкновенно строились в старину в Малороссии; он был покрыт соломою; маленький, острый и высокий фронтон с окошком, похожим на поднятый кверху глаз, был весь измалеван голубыми и желтыми цветами и красными полумесяцами; он был утвержден на дубовых столбиках, до половины круглых, и снизу шестигранных, с вычурною обточкою вверху. Под этим фронтоном находилось небольшое крылечко, с скамейками по обеим сторонам. С боков дома были навесы на таких же столбиках, инде витых. Высокая груша с пирамидальною верхушкою и трепещущими листьями зеленела перед домом. Несколько амбаров

В два ряда стояло среди двора, образуя род широкой улицы, ведущей к дому. За амбарами, к самым воротам, стояли треугольниками два погреба, один напротив другого, крытые также соломою; треугольная стена каждого из них была снабжена низенькою дверью и размалевана разными изображениями: на одной из них нарисован был сидящий на бочке казак, державший над головою кружку с надписью: *Все выпью!* На другой фляжка, сулеи и по сторонам, для красоты, лошадь, стоящая вверх ногами, трубка, бубны и надпись: *Вино — казацкая потеха.* С чердака одного из сараев выглядывал, сквозь огромное слуховое окно, барабан и медные трубы. У ворот стояли две пушки. Все показывало, что хозяин дома любил повеселиться и двор часто оглашали пиршественные клики. За воротами находились две ветряные мельницы. Позади дома шли сады, и сквозь верхушки деревьев видны были одни только темные шляпки труб, скрывавшихся в зеленой гуще хат. Все селение помещалось на широком и ровном уступе горы. С северной стороны все заслоняла крутая гора и подошвою своею оканчивалась

у самого двора. При взгляде на нее снизу, она казалась еще круче, и на высокой верхушке ее торчали кое-где неправильные стебли тощего бурьяна и чернели на светлом небе; обнаженный глинистый вид ее навевал какое-то уныние; она была вся изрыта дождевыми промоинами и проточинами. На крутом косогоре ее в двух местах торчали две хаты; над одною из них раскидывала ветви широкая яблоня, подпертая у корня небольшими кольями с насыпною землей. Яблоки, сбиваемые ветром, скатывались в самый панский двор. С вершины вилась по всей горе дорога, и, опустившись, шла мимо двора в селение. Когда философ измерил страшную круть ее и вспомнил вчерашнее путешествие, то решил, что или у пана были слишком умные лошади, или у казаков слишком крепкие головы, когда и в хмельном чаду умели не полететь вверх ногами вместе с неизмеримой брикой и багажом. Философ стоял на высшем в дворе месте, и когда оборотился и глянул в противоположную сторону, ему представился совершенно другой вид. Селение вместе с отлогостью скатывалось на равнину: необозримые

луга открывались на далекое пространство; яркая зелень их темнела по мере отдаления, и целые ряды селений синели вдали, хотя расстояние их было более, нежели на двадцать верст. С правой стороны этих лугов тянулись горы, и чуть заметно вдали полосой горел и темнел Днепр.

— Эх, славное место! — сказал философ, — вот тут бы жить, ловить рыбу в Днепре и прудах, охотиться с тенетами или с ружьем за стрепетами и крольшнепами; впрочем, я думаю, и дроф не мало в этих дугах. Фруктов же можно засушить и продать в город множество, или, еще лучше, выкурить из них водку, потому что водка из фруктов ни с каким пенником не сравнится. Да не мешает подумать и о том, как бы улизнуть отсюда.

Он приметил за плетнем маленькую дорожку, совершенно закрытую разросшимся бурьяном; поставил машинально на нее ногу, думая наперед только прогуляться, а потом тихомолком, промеж хат, да и махнуть в поле, как внезапно почувствовал на своем плече довольно крепкую руку.

Позади его стоял тот самый старый казак,

который вчера так горько соболезновал о смерти отца и матери и о своем одиночестве.

— Напрасно ты думаешь, пан философ, улепетнуть из хутора! — говорил он, — тут не такое заведение, чтобы можно было убежать; да и дороги для пешехода плохи, а ступай лучше к пану: он ожидает тебя давно в светлице.

— Пойдем! что ж... я с удовольствием, — сказал философ, и отправился вслед за казаком.

Сотник, уже престарелый, с седыми усами и с выражением мрачной грусти, сидел перед столом в светлице, подперши обеими руками голову. Ему было около пятидесяти лет; но глубокое уныние на лице и какой-то бледно-тощий цвет показывали, что душа его была убита и разрушена вдруг в одну минуту, и вся прежняя веселость и шумная жизнь исчезли навеки. Когда вошел Хома вместе с старым казаком, он отнял одну руку и слегка кивнул головою на низкий их поклон.

Хома и казак почтительно остановились у дверей.

— Кто ты и откуда, и какого звания, доб-

рый человек? — сказал сотник ни ласково, ни сурово.

— Из бурсаков, философ, Хома Брут...

— А кто был твой отец?

— Не знаю, вельможный пан.

— А мать твоя?

— И матери не знаю. По здравому рассуждению, конечно, была мать, но кто она и откуда, и когда жила, ей Богу, добродию, не знаю.

Старик помолчал и, казалось, минуту оставался в задумчивости.

— Как же ты познакомился с моею дочерью?

— Не знакомился, вельможный пан, ей Богу, не знакомился! Еще никакого дела с панночками не имел, сколько ни живу на свете. Цур им, чтобы не сказать непристойного!

— Отчего же она не другому кому, а тебе именно назначила читать?

Философ пожал плечами:

— Бог его знает, как это растолковать! Известное уже дело, что панам подчас захочется такого, что и самый наиграмотнейший человек не разберет; и пословица говорит: «Скачи, враже, як пан каже».

— Да не врешь ли ты, пан философ?

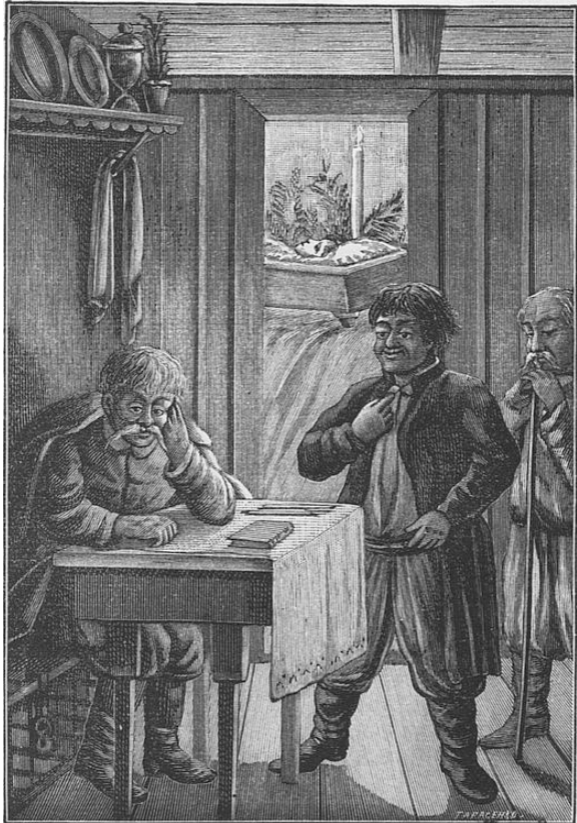
— Вот на этом самом месте пусть громом так и хлопнет, если лгу!

— Если бы только минуточкой долее прожила ты, — грустно сказал сотник, — то, верно бы, я узнал все. «Никому не давай читать по мне, но пошли, тату, сей же час в Киевскую семинарию и привези бурсака Хому Брута; пусть три ночи молится по грешной душе моей. Он знает...» А что такое знает, я уже не услышал: она, голубонька, только и могла сказать, и умерла. Ты, добрый человек, верно известен святою жизнью своею и богоугодными делами, и она, может быть, наслышалась о тебе.

— Кто? я! — сказал бурсак, отступивши от изумления, — я святой жизни? — произнес он, посмотрев прямо в глаза сотнику, — Бог с вами, пан! Что вы это говорите! Да я, — хоть оно непристойно сказать, — ходил к булочнице против самого страстного четверга.

— Ну... верно, уже недаром так назначено. Ты должен с сего же дня начать свое дело.

— Я бы сказал на это вашей милости... оно, конечно, всякий человек, вразумленный свя-

тому Писанию, может по соразмерности... только сюда приличнее бы требовалось дьякона, или по крайней мере дьячка. Они народ толковый и знают, как все это уже делается; а я... да у меня и голос не такой, и сам я черт знает что. Никакого виду с меня нет.

— Уж как ты себе хочешь, только я все, что завещала мне моя голубка, исполню, ничего не пожалей. Иногда ты с сего дня три ночи совершишь, как следует, над нею молитвы, то я награжу тебя; а не то — и самому черту не советую рассердить меня!

Последние слова произнесены были сотником так крепко, что философ понял вполне их значение.

— Ступай за мною! — сказал сотник.

Они вышли в сени. Сотник отворил дверь в другую светлицу, бывшую насупротив первой. Философ остановился на минуту в сенях высморгаться и с каким-то безотчетным страхом переступил чрез порог.

Весь пол был устлан красною китайкой. В углу, под образами, на высоком столе лежало тело умершей, на одеяле из синего бархата, убранном золотою бахрамою и кистями. Вы-

сокие восковые свечи, увитые калиною, стояли в ногах и в головах, изливая свой мутный, терявшийся в дневном сиянии, свет. Лицо умершей было заслонено от него неутешным отцом, который сидел перед нею, обратясь спиною к дверям. Философа поразили слова, которые он услышал:

«Я не о том жалею, моя наимилейшая мне дочь, что ты во цвете лет своих, не дожив положенного века, на печаль и горесть мне, оставила землю; я о том жалею, моя голубонька, что не знаю того, кто был, лютый враг мой, причиною твоей смерти. И если б я знал, кто мог подумать только оскорбить тебя, или хоть бы сказал что-нибудь неприятное о тебе, то, клянусь Богом, не увидел бы он больше своих детей, если только он так же стар, как и я, ни своего отца и матери, если только он еще на поре лет, и тело его было бы выброшено на съедение птицам и зверям степным! Но горе мне, моя полевая нагидочка, моя перепеличка, моя ясочка, что проживу я остальной век свой без потехи, утирая полою дробные слезы, текущие из старых очей моих, тогда как враг мой будет веселиться и втайне по-

смеиваться над хилым старцем!..»

Он остановился, и причиною этого была разрывающая горесть, разрешившаяся целым потоком слез.

Философ был тронут такою безутешною печалью; он закашлял и издал глухое крехтание, желая очистить им свой голос.

Сотник оборотился и указал ему место в головах умершей, перед небольшим наломом, на котором лежали книги.

«Три ночи как-нибудь отработаю», подумал философ; — «зато пан набьет мне оба кармана чистыми червонцами».

Он приблизился и, еще раз откашлявшись, принялся читать, не обращая никакого внимания на сторону и не решаясь взглянуть в лицо умершей. Глубокая тишина воцарилась. Он заметил, что сотник вышел. Медленно поворотил он голову, чтобы взглянуть на умершую, и...

Трепет пробежал по его жилам: перед ним лежала красавица, какая когда-либо бывала на земле. Казалось, некогда еще черты лица не были образованы в такой резкой и вместе гармонической красоте. Она лежала, как жи-

вая; чело прекрасное, нежное, как снег, как серебро, казалось, мыслило; брови — ночь среди солнечного дни, тонкие, ровные, горделиво приподнялись над закрытыми глазами; а ресницы, упавшие стрелами на щеки, пылавшие жаром тайных желаний; уста — рубины, готовые усмехнуться... Но в них же, в тех же самых чертах, он видел что-то страшно-пронзительное. Он чувствовал, что душа его начинала как-то болезненно ныть, как будто бы вдруг среди вихря веселья и закружившейся толпы запел кто-нибудь песню похоронную. Рубины уст ее, казалось, прикипали кровью к самому сердцу. Вдруг что-то страшно-знакомое показалось в лице ее. «Ведьма!» — вскрикнул он не своим голосом, отвел глаза в сторону, побледнел весь и стал читать свои молитвы. Это была та самая ведьма, которую убил он!

Когда солнце стало садиться, мертвую понесли в церковь. Философ одним плечом своим поддерживал черный траурный гроб и чувствовал на плече своем что-то холодное, как лед. Сотник сам шел впереди, неся рукою правую сторону тесного дома умершей. Цер-

ковь деревянная, почерневшая, убранная зеленым мохом, с тремя конусообразными куполами, уныло стояла почти на краю села. Заметно было, что в ней давно уже не отправлялось никакого служения. Свечи были зажжены почти перед каждым образом. Гроб поставили посередине, против самого алтаря. Старый сотник поцеловал еще раз умершую, повергнулся ниц и вышел вместе с носильщиками вон, дав повеление хорошенько накормить философа и после ужина проводить его в церковь. Пришедши в кухню, все несшие гроб начали прикладывать руки к печке, что обыкновенно делают малороссияне, увидевши мертвеца.

Голод, который в это время начал чувствовать философ, заставил его на несколько минут позабыть вовсе об умершей. Скоро вся дворня мало-помалу начала сходиться в кухню. Кухня в сотниковом доме была чем-то похожим на клуб, куда стекалось все, что ни обитало во дворе, считая в том числе и собак, приходивших с машущими хвостами к самым дверям за костями и помоями. Куда бы кто ни был посылаем и по какой бы то ни бы-

ло надобности, он всегда прежде заходил на кухню, чтобы отдохнуть хоть минуту на лавке и выкурить люльку. Все холостяки, жившие в доме, щеголявшие в казацких свитках, лежали здесь почти целый день на лавке, под лавкою, на печке — одним словом, где только можно было сыскать удобное место для лежания. Притом всякий вечно позабывал в кухне или шапку, или кнут от чужих собак, или что-нибудь подобное. Но самое многочисленное собрание бывало во время ужина, когда приходил и табунщик, успевший загнать своих лошадей в загон, и погонщик, приводивший коров для дойки, и все те, которых в течение дня нельзя было увидеть. За ужином болтовня овладевала самыми неговорливыми языками. Тут обыкновенно говорилось обо всем: и о том, кто пошил себе новые шаровары, и что находится внутри земли, и кто видел волка. Тут было множество бонмотистов, в которых между малороссиянами нет недостатка.

Философ уселся вместе с другими в обширный кружок, на вольном воздухе, перед порогом кухни. Скоро баба в красном очипке высунулась из дверей, держа в обеих руках горя-

чий горшок с галушками и поставила его по-
среди готовившихся ужинать. Каждый вынул
из кармана своего деревянную ложку; иные,
за неимением, деревянную спичку. Как толь-
ко уста стали двигаться немного медленнее, и
волчий голод всего этого собрания немного
утишился, многие начали заговаривать. Раз-
говор, натурально, должен был обратиться к
умершей.

— Правда ли, — сказал один молодой ов-
чар, который насадил на свою кожаную пере-
вязь для люльки столько пуговиц и медных
блях, что был похож на лавку мелкой торгов-
ки, — правда ли, что панночка, не тем будь

помянута, зналась с нечистым?

— Кто, панночка? — сказал Дорош, уже знакомый прежде нашему философу, — да она была целая ведьма! Я присягну, что ведьма!

— Полно, полно, Дорош, — сказал другой, который во время дороги изъяслял большую готовность утешать, — это не наше дело; Бог с ней! Нечего об этом толковать.

Но Дорош вовсе не был расположен молчать; он только что перед тем сходил в погреб вместе с ключником по какому-то нужному делу и, наклонившись раза два к двум или трем бочкам, вышел оттуда чрезвычайно веселый и говорил без умолку.

— Что ты хочешь? Чтобы я молчал? — сказал он, — да она на мне самом ездила! ей Богу, ездила!

— А что, дядько? — сказал молодой овчар с пуговицами, — можно ли узнать по каким-нибудь приметам ведьму?

— Нельзя, — отвечал Дорош, — никак не узнаешь; хоть все псалтыри перечитай, то не узнаешь.

— Можно, можно, Дорош, не говори это-

го, — произнес прежний утешитель, — уже Бог не даром дал всякому особый обычай: люди, знающие науку, говорят, что у ведьмы есть маленький хвостик.

— Когда стара баба, то и ведьма, — сказал хладнокровно седой казак.

— О, уж хороши и вы! — подхватила баба, которая подливала в то время свежих галушек в очистившийся горшок, — настоящие толстые кабаны!

Старый казак, которого имя было Явтух, а прозвание Ковтун, выразил на губах своих улыбку удовольствия, заметив, что слова его задели за живое старуху; а погонщик скотины пустил такой густой смех, как будто бы два быка, ставши один против другого, замычали разом.

Начавшийся разговор возбудил непреодолимое желание и любопытство философа узнать обстоятельнее про умершую сотникову дочь, и потому, желая опять навести его на прежнюю материю, он обратился к соседу своему с такими словами:

— Я хотел спросить, почему все это сословие, что сидит за ужином, считает панночку

ведьмою? Что ж, разве она кому-нибудь причинила зло, или извела кого-нибудь?

— Бывало всякого, — отвечал один из сидевших, с лицом гладким, чрезвычайно похожим на лопату.

— А кто не припомнит псаря Микиту, или того...

— А что ж такое псарь Микита? — сказал философ.

— Стой! Я расскажу про псаря Микиту, — сказал Дорош.

— Я расскажу про псаря Микиту, — отвечал табунщик, — потому что он был мой кум.

— Я расскажу про Микиту, — сказал Спирид.

— Пускай, пускай Спирид расскажет! — закричала толпа.

Спирид начал:

— Ты, пан философ Хома, не знал Микиты. Эх, какой редкий был человек! Собаку каждую он бывало так знает, как родного отца. Теперешний псарь Микола, что сидит третьим за мною, и в подметки ему не годится, хотя он тоже понимает свое дело, но он против него — дрянь, помои.

— Ты хорошо рассказываешь, хорошо! — сказал Дорош одобрительно кивнув головою.

Спирид продолжал:

— Зайца увидит скорее, чем табак утрешь из носу. Бывало, свистнет: «А ну, Разбой! А ну, Быстрая!» а сам на коне во всю прыть, — и уже рассказать нельзя, кто кого скорее обгонит: он ли собаку, или собака его. Сивухи кварту свистнет вдруг, как не бывало. Славный был псарь! Только с недавнего времени начал он заглядываться беспрестанно на панночку. Вклепался ли он точно в нее, или уже она так его околдовала, только пропал человек, обабился совсем; сделался черт знает что, пфу! Непристойно сказать.

— Хорошо, — сказал Дорош.

— Как только панночка, бывало, взглянет на него, то и повода из рук пускает. Разбоя зовет Бровком, спотыкается и нивесть что делает. Один раз панночка пришла на конюшню, где он чистил коня. Дай, говорит, Микитка, я положу на тебя свою ножку. А он, дурень, и рад тому; говорит, что не только ножку, но и сама садись на меня. Панночка подняла свою ножку, и как увидел он ее нагую, полную и

белую ножку, то, говорит, чара так и ошеломила его. Он, дурень, нагнул спину и, схвативши обеими руками за нагие ее ножки, пошел скакать, как конь, по всему полю, и куда они ездили, он ничего не мог сказать; только воротился едва живой, и с той поры иссохнул весь, как щепка; когда раз пришли на конюшню, то вместо его лежала только куча золы, да пустое ведро: сгорел совсем, сгорел сам собою. А такой был псарь, какого на всем свете не можно найти!

Когда Спирид окончил рассказ свой, со всех сторон пошли толки о достоинствах бывшего псаря.

— А про Шепчиху ты не слышал? — сказал, Дорош, обращаясь к Хоме.

— Нет.

— Эге-ге-ге! Так у вас в бурсе, видно, не слишком большому разуму учат. Ну, слушай. У нас есть на селе казак Шептун, хороший казак. Он любит иногда украсть и соврать без всякой нужды, но... хороший казак. Его хата не так далеко отсюда. В такую самую пору, как мы теперь, сели вечерять Шептун с жинкою; окончивши вечерю, легли спать, и так

как время было хорошее, то Шепчиха легла на дворе, а Шептун в хате, на лавке; или нет: Шепчиха в хате на лавке, а Шептун на дворе...

— И не на лавке, а на полу легла Шепчиха! — подхватила баба, стоя у порога и подперши рукою щеку.

Дорош поглядел на нее, потом поглядел вниз, потом опять на нее и, немного помолчав, сказал:

— Когда скину с тебя при всех исподницу, то нехорошо будет.

Это предостережение имело свое действие. Старуха замолчала и уже ни разу не перебила речи.

Дорош продолжал:

— А в люльке, висевшей среди хаты, лежало годовое дитя, не знаю, мужеского или женского пола. Шепчиха лежала, а потом слышит, что за дверью скребется собака и воет так, хоть из хаты беги. Она испугалась, ибо бабы — такой глупый народ, что высунь ей под вечер из-за дверей язык, то и душа уйдет в пятки. Однако ж думает: «Дай-ка я ударю по морде проклятую собаку, авось-либо перестанет выть!» и, взявши кочергу, вышла отво-

ритель дверь. Не успела она немного отворить, как собака кинулась промеж ног ее прямо к детской люльке. Шепчиха видит, что это уже не собака, а панночка; да притом пускай бы уже панночка в таком виде, как она ее знала, — это бы еще ничего; но вот вещь и обстоятельство, что она была вся синяя, а глаза горели, как уголь. Она схватила дитя, прокусила ему горло и начала пить из него кровь. Шепчиха только закричала: «Ох, лишечко!» да из хаты. Только видит, что в сенях двери заперты; она на чердак; сидит и дрожит глупая баба; а потом видит, что панночка к ней идет и на чердак, кинулась на нее и начала глупую бабу кусать. Уже Шептун поутру вытащил оттуда свою жинку, всю искусанную и посиневшую; а на другой день и умерла глупая баба. Так вот какие устройства и обольщения бывают! Оно хоть и панского поме-ту, да все, когда ведьма, то ведьма.

После такого рассказа Дорош самодовольно оглянулся и засунул палец в свою трубку, приготавливая ее к набивке табаком. Материя о ведьме сделалась неисчерпаемою. Каждый в свою очередь спешил что-нибудь рассказать.

К тому ведьма, в виде скирды сена, приехала к самым дверям хаты; у другого украла шапку или трубку; у многих девок на селе отрезала косу; у других выпила по нескольку ведер крови.

Наконец, вся компания опомнилась и увидела, что заболталась уже чересчур, потому что уже на дворе была совершенная ночь. Все начали разбродиться по ночлегам, находившимся или на кухне, или в сараях, или среди двора.

— А ну, пан Хома! Теперь и нам пора идти к покойнице, — сказал седой казак, обратившись к философу, и все четверо, в том числе и Спирид и Дорош, отправились в церковь, стегая кнутами собак, которых на улице было великое множество и которые со злости грызли их палки.

Философ, несмотря на то, что успел подкрепить себя доброю кружкою горелки, чувствовал втайне подступавшую робость, по мере того, как они приближались к освещенной церкви. Рассказы и странные истории, слышанные им, помогали еще более действовать его воображению. Мрак под тыном и деревья-

ми начинал редеть: место становилось обнаженнее. Они вступили наконец за ветхую церковную ограду в небольшой дворик, за которым не было ни деревца и открывалось одно пустое поле да поглощенные ночным мраком луга. Три казака вошли вместе с Хомою по крутой лестнице на крыльцо и вступили в церковь. Здесь они оставили философа, пожелав ему благополучно отправить свою обязанность, и заперли за ним дверь, по приказанию пана.

Философ остался один. Сначала он зевнул, потом потянулся, потом фукнул в обе руки и наконец уже осмотрелся. По середине стоял черный гроб; свечи теплились перед темными образами; свет от них освещал только иконостас и слегка середину церкви; отдаленные углы притвора были закутаны мраком. Высокий старинный иконостас уже показывал глубокую ветхость; сквозная резьба его, покрытая золотом, еще блестела одними только искрами: позолота в одном месте отпала, в другом вовсе почернела; лики святых, совершенно потемневшие, глядели как-то мрачно. Философ еще раз осмотрелся. «Что ж?» — ска-

зал он, — «чего тут бояться? Человек прийти сюда не может, а от мертвецов и выходцев с того света есть у меня молитвы, такие, что как прочитаю, то они меня и пальцем не тронут. Ничего!» — повторил он, махнув рукою, — «будем читать». Подходя к клиросу, увидел он несколько связок свечей. «Это хорошо», — подумал философ — «нужно осветить всю церковь так, чтобы видно было, как днем. Эх, жаль, что во храме Божиим не можно люльки выкурить!»

И он принялся прилеплять восковые свечи ко всем карнизам, наоям и образам, не жалея их ни мало, и скоро вся церковь наполнилась светом. Вверху только мрак сделался как будто сильнее, и мрачные образа глядели угрюмей из старинных резных рам, кое-где сверкавших позолотою. Он подошел ко гробу, с робостью посмотрел в лицо умершей — и не мог не зажмурить, несколько вздрогнувши, своих глаз: такая страшная, сверкающая красота!

Он отворотился и хотел отойти; но, по странному любопытству, по странному поперечивающему себе чувству, не оставляющему

человека, особенно во время страха, он не утерпел, уходя, не взглянуть на нее и потом, ощутивши тот же трепет, взглянул еще раз. В самом деле, резкая красота усопшей казалась страшною. Может быть, даже она не поразила бы таким паническим ужасом, если бы была несколько безобразнее. Но в ее чертах ничего не было тусклого, мутного, умершего; оно было живо, и философу казалось, как будто бы она глядит на него закрытыми глазами. Ему даже показалось, как будто из-под ресницы правого глаза ее покатила слеза, и когда она остановилась на щеке, то он различил ясно, что это была капля крови.

Он поспешно отошел к клиросу, развернул книгу и, чтобы более ободрить себя, начал читать самым громким голосом. Голос его поразили церковные деревянные стены, давно молчаливые и оглохлые; однако, без эха, сыпался он густым басом в совершенно мертвой тишине и казался несколько диким даже самому чтецу. «Чего бояться?» — думал он между тем сам про себя — «ведь она не встанет из своего гроба, потому что побоится Божьего Слова. Пусть лежит! Да и что я за казак, когда

бы устрасился? Ну, выпил лишнее — оттого и показывается страшно! А понюхать табаку. Эх, добрый табак! Славный табак! Хороший табак!» Однако же, перелистывая каждую страницу, он посматривал искоса на гроб, и невольное чувство, казалось, шептало ему: «Вот, вот встанет! Вот подыметя, вот выглянет из гроба!»

Но тишина была мертвая; гроб стоял неподвижно; свечи лили целый поток света. Страшна освещенная церковь ночью с мертвым телом и без души людей!

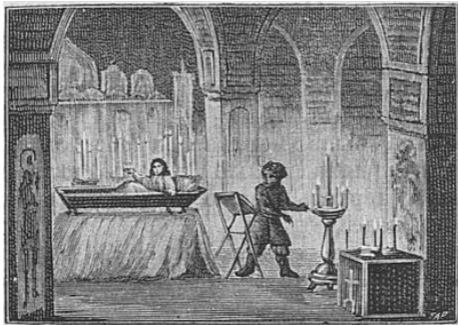
Возвыся голос, он начал петь на разные голоса, желая заглушить остатки боязни, но чрез каждую минуту обращал глаза свои на гроб, как будто бы задавая невольный вопрос: «Что если подыметя, если встанет она?»

Но гроб не шелохнулся. Хоть бы какой-нибудь звук, какое-нибудь живое существо! Даже сверчок не отозвался в углу. Чуть только слышался легкий треск какой-нибудь отдаленной свечки, или слабый, слегка хлопнувший звук восковой капли, падавшей на пол.

«Ну если подыметя?»

Она приподняла голову...

Он дико взглянул и протер глаза. Но она точно уже не лежит, а сидит в своем гробе.

Он отвел глаза свои и опять с ужасом обратил их на гроб. Она встала... идет по церкви с закрытыми глазами, беспрестанно расправляя руки, как бы желая поймать кого-нибудь.

Она идет прямо к нему. В страхе очертил он около себя круг; с усилием начал читать молитвы и произносить заклинания, которым научил его один монах, видевший всю жизнь свою ведьм и нечистых духов.

Она стала почти на самой черте; но видно было, что не имела сил переступить ее, и вся посинела, как человек, уже несколько дней умерший. Хома не имел духа взглянуть на

нее; она была страшна. Она ударила зубами в зубы и открыла мертвые глаза свои; но, не видя ничего, с бешенством, — что выразило ее задрожавшее лицо, — обратилась в другую сторону и, распростерши руки, обхватывала ими каждый столб и угол, стараясь поймать Хому. Наконец, остановилась, погрозив пальцем, и легла в свой гроб.

Философ все еще не мог прийти в себя и со страхом поглядывал на это тесное жилище ведьмы. Наконец, гроб вдруг сорвался с своего места и со свистом начал летать по всей церкви, крестя во всех направлениях воздух. Философ видел его почти над головою, но вместе с тем видел, что он не мог зацепить круга, им начерченного, и усилил свои заклинания. Гроб грянулся на середине церкви и остался неподвижным. Труп опять поднялся из него синий, позеленевший. Но в то время послышался отдаленный крик петуха: труп опустился в гроб и захлопнулся гробовою крышкою.

Сердце у философа билось, и пот катился градом; но, ободренный петушьим криком, он до читывал быстрее листы, которые дол-

жен был прочесть прежде. При первой заре пришли сменить его дьячок и седой Явтух, который на тот раз отправлял должность церковного старосты.

Пришедши на отдаленный ночлег, философ долго не мог заснуть; но усталость ододела, и он проспал до обеда. Когда он проснулся, все ночное событие казалось ему происшедшим во сне. Ему дали, для подкрепления сил, кварту горелки. За обедом он скоро развязался, присовокупил кое к чему замечания, и сел почти один довольно большого поросенка; но однако же о своем событии в церкви он не решился говорить по какому-то безотчетному для него самому чувству, и на вопросы любопытных отвечал: «Да, были всякие чудеса». Философ был из числа тех людей, которых если накормят, то у них пробуждается необыкновенная филантропия. Он, лежа с своей трубкой в зубах, глядел на всех необыкновенно сладкими глазами и непрерывно поплевывал в сторону.

После обеда философ был совершенно в духе. Он успел обходить все селение, перезнакомиться почти со всеми; из двух хат его даже

выгнали, одна смазливая молодкахватила его порядочно лопатой по спине, когда он вздумал было пощупать и любопытствовать, из какой материи у нее была сорочка и плахта. Но чем более время близилось к вечеру, тем задумчивее становился философ. За час до ужина вся почти дворня собиралась играть в кашу, или в крагли, род кеглей, где, вместо шаров, употребляются длинные палки, и выигравший имеет право проезжаться на другом верхом. Эта игра становилась очень интересною для зрителей: часто погонщик, широкий, как блин, взлезал верхом на свиного пастуха, тщедушного, низенького, всего состоявшего из морщин. В другой раз погонщик подставлял свою спину, и Дорош вскочивши на нее, всегда говорил: «Экой здоровый бык!» У порога кухни сидели те, которые были посолиднее. Они глядели чрезвычайно серьезно, куря люльки, даже и тогда, когда молодежь от души смеялась какому-нибудь острому словцу погонщика или Спирида. Хома напрасно старался вмешаться в эту игру: какая-то темная мысль, как гвоздь, сидела в его голове. За вечерей сколько ни старал-

ся он развеселить себя, но страх загорался в нем вместе с тьмою, распростирравшеюся по небу.

— А ну, пора нам, пан бурсак! — сказал ему знакомый седой казак, подымаясь с места вместе с Дорошем, — пойдём на работу.

Хому опять таким же самым образом отвели в церковь; опять оставили его одного и заперли за ним дверь. Как только он остался один, робость начала снова внедряться в его грудь. Он опять увидел темные образа, блестящие рамы и знакомый черный гроб, стоявший в угрожающей тишине и неподвижности среди церкви.

«Что ж?» — произнес он, — «теперь ведь мне не в диковинку это диво. Оно с первого раза только страшно. Да, оно только с первого раза немного страшно, а там оно уже и не страшно; оно уже и совсем не страшно».

Он поспешно стал на клирос, очертил около себя круг, произнес несколько заклинаний и начал читать громко, решась не подымать с книги своих глаз и не обращать внимания ни на что. Уже около часа читал он и начинал несколько уставать и покашливать; он вынул

из кармана рожок и, прежде нежели поднес табак к носу, робко повел глазами на гроб. На сердце у него захолонуло.

Труп уже стоял перед ним на самой черте и вперил на него мертвые, позеленевшие глаза.

Бурсак содрогнулся, и холод чувствительно пробежал по всем его жилам. Потупив очи в книгу, стал он читать громче свои молитвы и заклатья и слышал, как труп опять ударил зубами и замахал руками, желая схватить его. Но, покосивши слегка одним глазом, увидел он, что труп не там ловил его, где стоял он, и, как видно, не мог видеть его. Глухо стала ворчать она и начала выговаривать мертвыми устами страшные слова; хрипло всхлипывали они, как клокотанье кипящей смолы. Что значили они, того не мог бы сказать он, но что-то страшное в них заключалось. Философ в страхе понял, что она творила заклинания.

Ветер пошел по церкви от слов, и слышался шум, как бы от множества летящих крыл. Он слышал, как бились крыльями в стекла церковных окон и в железные рамы; как царапали с визгом когтями по железу, и

как несметная сила громила в двери и хотела вломиться. Сильно у него билось во все время сердце; зажмурив глаза, все читал он заклятья и молитвы. Наконец, вдруг что-то засвистало вдали; это был отдаленный крик петуха. Изнуренный философ остановился и отдохнул духом.

Вошедшие сменить его нашли его едва жива, он оперся спиною об стену и, выпуча глаза, глядел неподвижно на пришедших казаков. Его почти вывели и должны были поддерживать во всю дорогу. Пришедши на панский двор, он встряхнулся и велел себе подать кварту горелки. Выпивши ее, он пригладил на голове свои волосы и сказал: «Много на свете всякой дряни водится! а страхи такие случаются, ну...» При этом философ махнул рукою.

Собравшиеся вокруг него потупили голову, услышав такие слова. Даже небольшой мальчишка, которого вся дворня почитала в праве уполномочивать вместо себя, когда дело шло к тому, чтобы чистить конюшню, или таскать воду, даже этот бедный мальчишка тоже разинул рот.

В это время проходила мимо еще не совсем пожилая бабенка, в обтянутой плотно запаске, выказывавшей ее круглый и крепкий стан, помощница старой кухарки, кокетка страшная, которая всегда находила что-нибудь пришить к своему очипку: или кусок ленточки, или гвоздичку, или даже бумажку, если не было чего-нибудь другого.

— Здравствуй, Хома! — сказала она, увидев философа. — Ай, ай, ай! что это с тобою? — вскрикнула она, всплеснув руками.

— Как что, глупая баба?

— Ах, Боже мой! Да ты весь поседел!

— Эге, ге! Да она правду говорит! — произнес Спирид, всматриваясь в него пристально. — Ты точно поседел, как наш старый Явтух!

Философ, услышавши это, побежал опрометью в кухню, где он заметил прилепленный к стене, опачканный мухами, треугольный кусок зеркала, перед которым были натканы незабудки, барвинки и даже гирлянда из нагидок, показывавшие назначение его для туалета щеголеватой кокетки. Он с ужасом увидел истину их слов: половина волос

его точно побелела.

Повесил голову Хома Брут и предался размышлению. «Пойду к пану», — сказал он, наконец — «расскажу ему все и объясню, что больше не хочу читать. Пусть отправляет меня сей же час в Киев».

В таких мыслях направил он путь свой к крыльцу панского дома.

Сотник сидел почти неподвижен в своей светлице. Та же самая безнадежная печаль, какую он встретил прежде на его лице, сохранялась в нем и донныне. Только щеки его опали гораздо более прежнего. Заметно было, что он очень мало употреблял пищи, или, может быть, даже вовсе не касался ее. Необыкновенная бледность придавала ему какую-то каменную неподвижность.

— Здравствуй, небоже! — произнес он, увидев Хому, остановившегося с шапкою в руках у дверей. — Что, как идет у тебя? все благополучно?

— Благополучно-то, благополучно; такая чертовщина водится, что прямо бери шапку, да и улепетьвай, куда ноги несут.

— Как так?

— Да ваша, пан, дочка... по здравому рассуждению, она, конечно, есть панского рода, в том никто не станет прекословить: только, не во гнев будь сказано, упокой Бог ее душу...

— Что же дочка?

— Припустила к себе сатану. Такие страхи задает, что никакое писание не учитывается.

— Читай, читай! Она не даром призвала тебя: она заботилась, голубонька моя, о душе своей и хотела молитвами изгнать всякое дурное помышление.

— Власть ваша, пан, ей Богу, не в моготу!

— Читай, читай! — продолжал тем же увещательным голосом сотник, — тебе одна ночь теперь осталась, ты сделаешь христианское дело, и я награжу тебя.

— Да какие бы ни были награды... Как ты себе хочешь, пан, а я не буду читать! — произнес Хома решительно.

— Слушай, философ! — сказал сотник, и голос его сделался крепок и грозен, — я не люблю этих выдумок. Ты можешь это делать в своей бурсе, а у меня не так: я уже как отдеру, так не то, что ректор. Знаешь ли ты, что такое хорошие кожаные канчуки?

— Как не знать, — сказал философ, понизив голос, — всякому известно, что такое кожаные канчуки: при большом количестве — вещь нестерпимая.

— Да. Только ты не знаешь еще, как хлопцы мои умеют парить! — сказал сотник грозно, подымаясь на ноги, и лицо его приняло повелительное и свирепое выражение, обнаружившее весь необузданный его характер, усыпленный только на время горестью. — У меня прежде выпарят, потом спрыснут горелкою, а после опять. Ступай, ступай, исправляй свое дело! Не исправишь — не встанешь, а исправишь — тысяча червонных!

«Ого, го! Да это хват!» — подумал философ, выходя — «с этим нечего шутить. Стой, стой, приятель: я так наострю лыжи, что ты с своими собаками не угонишься за мною».

И Хома положил непременно бежать. Он выжидал только послеобеденного часа, когда вся дворня имела обыкновение забираться в сено под сараями и, открывши рот, испускать такой храп и свист, что панское подворье делалось похожим на фабрику.

Это время, наконец, настало. Даже и Явтух

зажмурил глаза, растянувшись перед солнцем. Философ со страхом и дрожью отправился потихоньку в панский сад, откуда ему казалось удобнее и незаметнее было бежать в поле. Этот сад, по обыкновению, был страшно запущен и, стало быть, чрезвычайно способствовал всякому тайному предприятию. Выключая только одной дорожки, протоптанной по хозяйственной надобности, все прочее было скрыто густо разросшимися вишнями, бузиною, лопухом, просунувшими на самый верх свои высокие стебли с цепкими розовыми шишками. Хмель покрывал, как будто сетью, вершину всего этого пестрого собрания деревьев и кустарников и составлял над ними крышу, напялившуюся на плетень и спадавшую с него вьющимися змеями, вместе с дикими полевыми колокольчиками. За плетнем, служившим границею сада, шел целый лес бурьяна, в который, казалось, никто не любопытствовал заглядывать, и коса разлетелась бы вдребезги, если бы захотела коснуться лезвием своим одеревеневших толстых стеблей его.

Когда философ хотел перешагнуть чрез

плетень, зубы его стучали и сердце так сильно билось, что он сам испугался. Пола его длинной хламиды, казалось, прилипала к земле, как будто ее кто приколотил гвоздем. Когда он переступал плетень, ему, казалось, с оглушительным свистом трещал в уши какой-то голос: «Куда, куда?» Философ юркнул в бурьян и пустился бежать, беспрестанно спотыкаясь о старые корни и давя ногами кротов. Он видел, что ему, выбравшись из бурьяна, стоило перебежать поле, за которым чернел густой терновник, где он считал себя безопасным, и, пройдя который, он, по предположению своему, думал встретить дорогу прямо к Киеву. Поле он пробежал вдруг и очутился в густом терновнике. Сквозь терновник он пролез, оставив, вместо пошлины, куски своего сертука на каждом остром шипе, и очутился на небольшой лощине. Верба с разделившимися ветвями преклонялась инде почти до самой земли. Небольшой источник сверкал чистый, как серебро. Первое дело философа было прилечь и напиться, потому что он чувствовал жажду нестерпимую. «Добрая вода!» — сказал он, утирая губы: — «тут бы мож-

но отдохнуть».

— Нет, лучше побежим вперед: неравно будет погоня!

Эти слова раздались у него над ушами. Он оглянулся — перед ним стоял Явтух.

«Чертов Явтух!» — подумал в сердцах про себя философ — «я бы взял тебя да за ноги... и мерзкую рожу твою, я все, что ни есть на тебе, побил бы дубовым бревном!»

— Напрасно дал ты такой крюк, — продолжал Явтух, — гораздо лучше было выбрать ту дорогу, по которой шел я: прямо мимо конюшни. Да притом и сертука жаль! А сукно хорошее. Почем платил за аршин? Однако ж, погуляли довольно: пора и домой.

Философ, почесываясь, побрел за Явтухом. «Теперь проклятая ведьма задаст мне пфейферу!» — подумал он. «Да, впрочем, что я в самом деле? Чего боюсь? Разве я не казак? Ведь читал же две ночи, поможет Бог и третью. Видно, проклятая ведьма порядочно грехов наделала, что нечистая сила так за нее стоит».

Такие размышления занимали его, когда он вступал на панский двор. Ободривши себя

такими замечаниями, он упросил Дороша, который, посредством протекции ключника, имел иногда вход в панские погреба, вытащить сулею сивухи, и оба приятеля, севши под сараем, вытянули немного не полведра, так что философ, вдруг поднявшись на ноги, закричал: «Музыкантов! Непременно музыкантов!» и, не дождавшись музыкантов, пустился среди двора на расчищенном месте отплясывать тропака. Он танцевал до тех пор, пока не наступило время полдника, и дворня, обступившая его, как водится в таких случаях, в кружок, наконец плюнула и пошла прочь, сказавши: «Вот это как долго танцует человек!» Наконец философ тут же лег спать; и добрый ушат холодной воды мог только пробудить его к ужину. За ужином он говорил о том, что такое казак, и что он не должен бояться ничего на свете.

— Пора, сказал Явтух, — пойдем.

«Спичка тебе в язык, проклятый кнур!» — подумал философ и, встав на ноги, сказал: «Пойдем!»

Идя дорогою, философ беспрестанно поглядывал по сторонам и слегка заговаривал с

своими провожатыми. Но Явтух молчал; сам Дорош был неразговорчив. Ночь была адская. Волки выли вдали целою стаей, и самый лай собачий был как-то страшен.

— Кажется, как будто что-то другое воет: это не волк, — сказал Дорош. Явтух молчал. Философ не нашелся сказать ничего.

Они приблизились к церкви и вступили под ее ветхие деревянные своды, показывавшие, как мало заботился владетель поместья о Боге и о душе своей. Явтух и Дорош по-прежнему удалились, и философ остался один.

Все было так же, все было в том же самом грозно-знакомом виде. Он на минуту остановился. По середине все так же неподвижно стоял гроб ужасной ведьмы. «Не побоюсь, ей Богу не побоюсь!» — сказал он, и, очертивши по-прежнему около себя круг, начал припоминать все свои заклинания. Тишина была страшная, свечи трепетали и обливали светом всю церковь. Философ перевернул один лист, потом перевернул другой и заметил, что он читает совсем не то, что писано в книге. Со страхом перекрестился он и начал петь. Это несколько ободрило его; чтение пошло впе-

ред, и листья мелькали один за другим.

Вдруг... среди тишины... с треском лопнула железная крышка гроба и поднялся мертвец. Еще страшнее был он, чем в первый раз. Зубы его страшно ударялись ряд о ряд, в судорогах задержались его губы, и, дико взвизгивая, понеслись заклинания. Вихорь поднялся по церкви, попадали на землю иконы, полетели сверху вниз разбитые стекла окошек, Двери сорвались с петель, и несметная сила чудовищ, влетела в Божью церковь. Страшный шум от крыл и от царапанья когтей наполнил всю церковь. Все летало и носилось, ища повсюду философа.

У Хомя вышел из головы последний остаток хмеля. Он только крестился, да читал, как попало, молитвы. И в то же время слышал, как нечистая сила металась вокруг него, чуть не зацепляя его концами крыл и отвратительных хвостов. Не имел духу разглядеть он их; видел только, как во всю стену стояло какое-то огромное чудовище в своих перепутанных волосах, как в лесу; сквозь сеть волос глядели страшно два глаза, подняв немного вверх брови. Над ним держалось в воздухе

что то в виде огромного пузыря, с тысячью протянутых из середины клещей и скорпионных жал; черная земля висела на них клочками. Все глядели на него, искали и не могли увидеть его, окруженного таинственным кругом. «Приведите Вия! Ступайте за Виём!» — раздались слова мертвеца.

И вдруг настала тишина в церкви; послышалось вдали волчье завыванье, и скоро раздались тяжелые шаги, звучащие по церкви. Взглянув искоса, увидел он, что ведут какого-то приземистого, дюжего, косолапого человека. Весь был он в черной земле. Как жилистые, крепкие корни, выдавались его засыпанная землею ноги и руки. Тяжело ступал он, поминутно оступаясь. Длинные веки опущены были до самой земли. С ужасом заметил Хома, что лицо было на нем железное. Его привели под руки и прямо поставили к тому месту, где стоял Хома.

— Подымите мне веки: не вижу! — сказал подземным голосом Вий, — и все сомнище кинулось подымать его веки.

«Не гляди!» — шепнул какой-то внутренний голос философу. Не вытерпел он и гля-

нул.

— Вот он! — закричал Вий и уставил на него железный палец, и все, сколько ни было, кинулись на философа. Бездыханный, грянулся он на землю, и тут же вылетел дух из него от страха.

Раздался петуший крик. Это был уже второй крик: первый прослышали гномы. Испуганные духи бросились, кто как попало, в окна и двери, чтобы поскорее вылететь; не тут-то было: так и остались они там, завязнувши в дверях и окнах.

Вошедший священник остановился при виде такого посрамленья Божьей святыни и не посмел служить панихиду в таком месте. Так навеки и осталась церковь, с завязнувшими в дверях и окнах чудовищами, обросла лесом, корнями, бурьяном, диким терновником, и никто не найдет теперь к ней дороги.

Когда слухи об этом дошли до Киева, и богослов Халява услышал наконец о такой участи философа Хомы, то предался целый час раздумью. С ним, в продолжение того време-

ни, произошли большие перемены. Счастье ему улыбнулось: по окончании курса наук, его сделали звонарем самой высокой колокольни, и он всегда почти являлся с разбитым носом, потому что деревянная лестница на колокольню была чрезвычайно безалаберно сделана.

— Ты слышал, что случилось с Хомою? — сказал, подошедши к нему, Тиберий Горобець, который в то время был уже философ и носил свежие усы.

— Так ему Бог дал, — сказал звонарь Халява. — Пойдем в шинок да помянем его душу.

Молодой философ, который с жаром энтузиаста начал пользоваться своими правами, так что на нем и шаровары, и сертук, и даже шапка отзывались спиртом и табачными корешками, в ту же минуту изъявил готовность.

— Славный был человек Хома! — сказал звонарь, когда хромой шинкарь поставил перед ним третью кружку, — знатный был человек! А пропал ни за что!

— А я знаю, почему пропал он: оттого, что побоялся; а если бы не боялся, то бы ведьма

ничего не могла с ним сделать. Нужно только, перекрестившись, плюнуть на самый хвост ей, то и ничего не будет. Я знаю уже все это. Ведь у нас, в Киеве, все бабы, которые сидят на базаре, все — ведьмы.

На это звонарь кивнул головою в знак согласия. Но, заметивши, что язык его не мог произнести ни одного слова, он осторожно встал из за стола и, пошатываясь на обе стороны, пошел спрятаться в самое отдаленное место в бурьяне. Причем не позабыл, по прежней привычке своей, утащить старую подошву от сапога, валявшуюся на лавке.

Примечания

Вий — есть колоссальное создание простонародного воображения. Таким именем называется у малороссиян начальник гномов, у которого веки на глазах идут до самой земли. Вся эта повесть есть народное предание. Я не хотел ни в чем изменить его и рассказываю почти в такой же простоте, как слышал.

[^^^]

Удары линейкой.

[^^^]

Ногайка, кнут.

[^^^]

4

Небольшой хлеб, лепешка.

[^^^]

Трубку.

[^^^]

Длинная прядь волос.

[^^^]

Чертополох.

[^^^]

Лепешка.

[^^^]

